

Толстой А.

25/III-84

ИСТИНА, не требующая доказа-
тельства: интерес к судьбам наших
соотечественников, оказавшихся
после революции за рубежом, в послед-
ние годы заметно возрос. Свежее тому
подтверждение — целая полоса об эми-
грации, крахе ее идей, опубликованная
«Советской Россией» 6 февраля с. г. (ав-
тор — доктор исторических наук Л. Шка-
ренков).

Было бы легкомысленно объяснять по-
вышение такого интереса чисто внешними
причинами (хотя, будем говорить прямо,
не обходится тут порой и без некоторого
ажитожа). В пору, когда социалистиче-
ский строй утвердился в нашей стране не-
зыблемо, мы уже без прежней неприми-
римости судим об ошибках и заблужде-
ниях ушедших за рубеж, ошибках, совер-
шенных годы и годы назад. Нам интерес-
но знать, как жилось и жилось на чужби-
не людям, говорящим на том же языке,
что и мы, имеющим в прошлом те же на-
циональные корни. Все это связано с воз-
растанием роли общечеловеческих нравст-
венных принципов и идеалов, расширением
международных контактов.

И при всем том не имеем мы права за-
бывать о реальной сложности процессов,
протекавших в духовной жизни эмиграции,
пестроты ее социального состава, различ-
нии политических целей, которые ставили
перед собой те или иные ее течения: от
оголтелого стремления уничтожить боль-
шевиков физически до поисков путей при-
мирения с ними...

Обращусь вновь к эссе А. Вознесен-
ского «Небесный муравей», о котором
шла речь в моей статье «Восторженно или
объективно?» («ЛГ», № 12, 1987).

Побывав на фестивале в Западном Бер-
лине, поэт посетил те места, где в 20-е
годы встречались русские литераторы, и в
соответствии с особенностями жанра эссе
дает отдельным участникам этих встреч,
Есенину, А. Белому, Маяковскому, Сева-
рянину и др., беглые характеристики. Один
творил свои безумные пляски, другой по-
лучал награду в виде шквала аплодисмен-
тов, третий присаживался отдохнуть
после выступления. «Здесь бражничал, за-
глушая тоску буйством, Алексей Толстой».

Пусть поймут меня и автор эссе, и чи-
татель правильно. Меня озадачила эта
фраза вовсе не потому, что как человеку,
всю жизнь занимающемуся А. Толстым,
хочется сохранить этого писателя в глазах
читающей публики в виде этакого без-
грешного существа.

Что ж, А. Толстой любил дружеские за-
столья и умел обставлять их со вкусом и
взыщством. Раскройте воспоминания о
нем, и мемуаристы напомнят вам о тех
многочисленных пиршествах, которые разво-
рачивались в доме А. Толстого. Но браж-
ничать? Буйство?

Во время мимолетной встречи в ЦДЛ я
вспросил А. Вознесенского, на какие ис-
точники он опирался, так характеризую-
 жизнь А. Толстого в Берлине. (Ведь нель-
зя же придумывать такое, ибо будет по
меньшей мере нараспашку, если не нечто
похуже.) Поэт, видимо, куда-то очень спе-
циально ему не понравился вопрос, и он
обронил на ходу сысылку на Романа Гуля.

Кто такой Гуть? Человек, многократно
менявший в жизни свои позиции. От бело-
гвардейщины до провозглашения лозунга
диктатуры пролетариата в мировом
масштабе (типичное ультралевачество), с
последующим переходом на антисоветские
позиции. Р. Гуть встречался с А. Толстым,
но в его обширной книге воспоминаний
«Я унес Россию» мне не удалось обнару-
жить ничего подобного тому, что соизво-
лил написать поэт.

Так что же все-таки происходило в Бер-
лине? И чем там занимался А. Толстой?

БЕРЛИН А. Толстой переехал
... В Париже в конце 1921 года.
Позади оставалась полоса самых
тяжких переживаний и мучительных про-

творений, начинался период, предвеща-
ющий возвращение на родину. Возвраще-
ние — а точнее, переезд — состоялось в
августе 1923 года, но с эмиграцией А.
Толстой демонстративно порвал в апреле
1922 года своим знаменитым «Открытым
письмом Н. В. Чайковскому». Все это хо-
рошо известно. Известно и то, что здесь
писатель много и плодотворно работал;
выпустил первым отдельным изданием на-
чало трилогии «Хождение по мукам», за-
кончил «Детство Никиты», написал остро
обличительную «Рукопись, найденную под
кроватью». И особо надо отметить, что в
Берлине, на Бельцигерштрассе, 46, была
написана «Азлита». Любопытная деталь. В
ЦГАЛИ я отыскал договор, заключенный
в Берлине 15 сентября 1922 года пред-
ставителем Государственного издательства
и А. Толстым на публикацию романа в
Советской России (ф. 611, оп. 2, ед. кр.
199), а адрес обозначен в договоре —
горьковский (Курфюрстендам, 203). Вот
с кем действительно завязалась у Горько-
го настоящая дружба, на всю жизнь —
так это с А. Толстым! (Особая, удивитель-
ная, увлекательная тема!)

Касаясь берлинской поры в жизни А.
Толстого, мне хотелось бы раскрыть сей-
час перед читателем наименее известную
ее грань и представить А. Толстого как
редактора. Он возглавлял литературное
приложение к левоземлемской газете
«Накануне», которая начала выходить в
Берлине с 26 марта 1922 года (попутно
отмечу фактическую неточность, допу-
щенную в «Советской исторической энцикло-
педии», где говорится, что сменовеховцы
стали выпускать в Париже с октября
1921 г. и журнал «Смена вех», что дей-
ствительно так, и газету «Накануне», что
совсем не так).

Как только стало известно, что А. Тол-
стой сотрудничает в печатном органе,
призывающем признать большевиков, а
еще более после письма Н. В. Чайков-
скому, левоземлемская пресса откры-
ла по нему огонь. Это был огонь на уни-
тожение! Вряд ли история отечественной
прессы знала ранее что-либо подобное.
А. Толстому был посвящен целый шквал
реплик, заметок, фельетонов, куплетов,
пародий, памфлетов, статей, рассказов...
Набралось бы на целый том.

А Толстой, — вземли, Россия! —
Бодро шествуем вперед.
Он творит дела такие,
Что невольно жуть берет!

Как говорится, умри — лучше не ска-
жешь. Махровую белогвардейщину и
вправду жуть брала от одной мысли о
возможности сотрудничества с коммуни-
стами. Получал писатель и письма с угро-
зой физической расправы. Но он понял,
что иного пути нет и быть не может. Вот
почему он стал сотрудничать в «Накану-
не».

Вполне естественно, что, приехав в
Берлин по командировке Союза писате-
лей, я в первую очередь хотел попасть на
Бойтштрассе, 8, где располагалась редак-
ция.

— Бойтштрассе? — с удивлением и
участием переспрашивали немцы. — Что-
то не знаем... Может быть, Боухтрассе?
Тогда это неподалеку от Трептов-парка.

В конце концов улицу нашли! И распо-
ложена она не где-нибудь на глухой окра-
ине, а в пятнадцати — двадцати минутах
ходьбы от пересечения центральных маги-
стралей Унтер-ден-Линден и Фридрих-
штрассе.

С каким волнением я устремился туда!
Ведь может быть, еще сохранилось зда-
ние, в котором регулярно приходил А. Тол-
стой? Куда непременно заглядывали при-
езжавшие из России писатели?

Сергей Есенин, прилетевший в мае
1922 года в Берлин первым авиарейсом,
сразу пришел в «Накануне» к А. Толсто-
му. Пришел не с пустыми руками: тут же
были направлены в набор его стихи «Не

Лит. газ. 1987 25 марта - с. 5
В. БАРАНОВ,
доктор филологических наук

УРОКИ ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ ПОЛЕЗНО ВСПОМНИТЬ

(Еще раз о судьбах
литературной эмиграции)

жалею, не зову, не плачу...». Лирический
шедевр впервые был опубликован в ли-
тературном приложении к «Накануне», а
затем — в «Красной нови» у Воронского,
с которым у А. Толстого завязались регу-
лярные деловые контакты, перешедшие
потом в дружбу.

А уже после Есенин и Айседора Дун-
кан пришли в гости к А. Толстому, в пан-
сион мадам Фишер, на Курфюрстендам,
31. Гостем А. Толстого был и Горький,
живший неподалеку, на противоположной
стороне улицы.

Есенин тогда потрясающе читал моно-
лог Хлопуши из поэмы «Пугачев». Впо-
следствии Горький воспользовался впе-
чатлениями от встречи в своем известном
очерке о поэте.

Идем по длинной современной магист-
ральной Лейпцигерштрассе. Огромные, вы-
строенные недавно жилые дома. Внизу
кафе, магазины... На Краузенштрассе —
бесконечная череда разноцветных машин
вдоль тротуаров. Они стоят почти вплот-
ную, прижавшись друг к другу, как люди
в метро в часы пик. И все-таки простран-
ства не хватает: иные хозяева вынуждены
оставлять свои авто прямо на тротуаре...

Наконец пришли... Но что это? Как
в песне — «где эта улица, где этот дом?».
Нет не только дома, в сущности, и улицы
нет. Скорее, переулок. Справа длинная
темно-серая стена издательства «Народ и
знание» — постройка явно послевоенная.
Слева какие-то склады, груды каменно-
го угля. А прямо — стена, которую вы-
нуждено было поставить правительству
ГДР и которая делит весь город. Грани-
ца. Дальше — Западный Берлин. И как
его полпред — гигантский прямоугольный
концертный Шпрингера с рекламой «Морген
пост» наверху, громоздящийся, словно
верзила, вытянувшийся сюда, чтоб подсмат-
ривать за делами во дворе соседей.

Показалось, что есть нечто символич-
ное в этом совпадении. «Накануне» — га-
зета, которую издавали люди, пришедшие
к убеждению в необходимости поддержа-
ть Советскую власть. Ее номера регу-
лярно доставлялись в Москву и никогда
не залеживались на прилавках. Сложным
было положение газеты, не лишена была
противоречивости ее программа... Сло-
вом, газета стояла на границе двух ми-
ров, помогая в конечном счете переходу
эмигрантов в мир строительства новых че-
ловеческих отношений.

Ленин отмечал некоторые статьи в «На-
кануне», подчеркивая профессиональную
компетентность их авторов. Один из ре-
дакторов газеты — Ю. В. Ключников был
даже приглашен в качестве эксперта со-
ветской делегации, возглавляемой Г. В.
Чичериним, на конференцию в Генуе. Как
известно, это была первая международная
конференция с участием советской дипло-
матии. В ходе ее был подписан в Рапалло договор о восстановлении дипло-
матических отношений с Германией (этим
и объясняется возможность появления в
Берлине советских литераторов).

Многие материалы для «Накануне» и ее
литературного приложения доставлялись в
Берлин при содействии Народного комис-
сарата иностранных дел.

Идем на соседнюю улицу — там сохрани-
лось старое красного кирпича типограф-
ское здание с выбоинами от осколков на
фасаде: может быть, здесь знают что-то?
Пожилый охотник с худым землистого цве-
та лицом отложил сигарету, пригласил до
минимума транзистор и внимательно вы-
слушал нас, глядя поверх металлических
очков:

— Нет, в этом здании русские не пе-
чатали газет. У них была другая типогра-
фия: «Германн и компания». А вообще-то
это именно район издательства, газет, ти-
пографий. Но ничего не поделаешь, «вой-
на! Многое не сохранилось...

Он развел руками и посмотрел на нас
так, словно сам был виноват в том, что
чего-то не уберег.

Дома нет... И все-таки я был рад, что
удалось побывать на этой несуществую-
щей улице. Пусть нет тех зданий, пусть
все выглядит по-другому... Но ведь все-
таки именно здесь, а не где-нибудь печат-
ались рассказы, очерки, статьи, фельето-
ны М. Горького, К. Федина, Вс. Иванова,
М. Булгакова, В. Катаева, К. Чуковского,
Б. Пильняка и многих других советских
писателей.

Иные присылали свои произведения на
имя Горького, иные — прямо в «Накану-
не». А Толстому, Бережню храню как ре-
ликвию письмо К. Федина, в котором он
подробно ответил на мои вопросы, каса-
ющиеся публикации знаменитого расска-
за «Сад» у А. Толстого (письмо это от
7 февраля 1966 года вошло в выпущенный
в прошлом году 11-й том собрания сочи-
нений К. Федина).

Рассказ «Сад» был посвящен А. Толсто-

му весной 1922 года. Значит, к этому
времени литературное приложение к «На-
кануне» уже успело завоевать себе опре-
деленное признание со стороны молодых
советских писателей.

Что касается самой «Накануне», то
10 июня 1922 года в Москве, в Б. Гнезди-
никовском переулке, д. 10 (где сейчас
располагается редакция «Вопросов лите-
ратуры»), открылось отделение главной
конторы, ведавшее приемом подписки,
объявлений, розничной продажей, экспеди-
цией в провинцию.

Приложение к «Накануне» под редакци-
ей А. Н. Толстого сыграло выдающуюся
роль в пропаганде советской литературы
на Западе. Как мы знаем, «Азлита», напи-
санная в Германии, была опубликована в
Советской России. И, наоборот, многие
произведения советских писателей, напи-
санные в России, были напечатаны в Гер-
мании. Они активно способствовали кра-
ху той легенды, которую усиленно распро-
страняла белоэмигрантская печать: при
большевиках, дескать, никакая литерату-
ра развиваться не может.

Вернувшись на родину, А. Толстой бли-
стательно доказал, каких высот может
достичь талант, вдохновляемый идеями
великой революции. В эмиграции зачиты-
вались «Хождением по мукам». Востор-
женно отзывался о романе «Петр Пер-
вый» И. Бунин. «Изаумрудно-талантливым»
назвал его Ф. Шалапин, пренебрегший за
год до смерти запретом врачей и вышед-
ший из дому, чтобы посмотреть фильм
о Петре...

«Не будем закрывать глаза на то, что в
последние годы А. Толстому не всегда
удавалось удерживать завоеванные твор-
ческие высоты (отступления от принципа
последовательного историзма в драме
«Иван Грозный»). Путь писателя не был
подобен лестнице, где каждая последую-
щая ступень выше предыдущей. Но все
же в конце концов именно органическое
приобщение к гигантскому перевороту в
судьбе народа, строящего новую государ-
ственность, позволило писателю реализо-
вать свой творческий и интеллектуальный
потенциал.

Еще в пору пребывания в Берлине А.
Толстой одним из первых обратил внима-
ние на зловещие ростки фашизма и понял,
что этот чертополох будет посягать на
безграничные пространства. Эти впечатле-
ния двадцатилетней давности придавали
дополнительный импульс его боевой пу-
блицистике в годы войны. А вот мало кому
известное суждение писателя из записной
книжки 1943 года о перспективах разви-
тия мира после войны:

«Что будет с Россией. Десять лет мы
будем восстанавливать города и хозяйство.
После мира будет нэл, ничем не похо-
жий на прежний нэл. Сущность этого нэл
будет в сохранении основы колхозного
строя, в сохранении за государством всех
средств производства и крупной торговли.
Но будет открыта возможность личной
инициативы, которая не станет в противо-
речии с основами нашего законодательства
и строя, но будет дополнять и обогащать
их. Будет длительная борьба между ста-
рыми формами бюрократического аппара-
та и новым государственным чиновником,
выдвинутым самой жизнью. Победят по-
следние. Народ, вернувшись с войны, ни-
чего не будет бояться. Он будет требова-
телен и инициативен. Расцветут ремесла
и всевозможные артели, борющиеся за
сбыт своей продукции. Резко повысится
качество. Наш рубль станет международ-
ной валютой... Китайская стена довоенной
России рухнет. Россия самым фактом
своего роста и процветания станет при-
влекать все взоры».

Как будто про наш сегодняшний день,
не правда ли?

...Еще раз, прежде чем уйти, смотрю на
эту Бойтштрассе: именно здесь была
написана удивительная страница ис-

тории нашей литературы, истории печати,
страница беспрецедентная и еще ждущая
престального исследования.

В год 70-летия Советской власти, сов-
павший с 750-летием Берлина, планирует-
ся установить мемориальную доску со
следующей надписью: «Здесь, на Бойт-
штрассе, 8, в 1922-23 гг. А. Н. Толстой
редактировал приложение к газете «Нака-
нуне», где опубликованы произведения
многих выдающихся советских писателей».

В последнее время частенько мелькает
выражение «русская литература XX века».
Не стирается ли при этом качественная
разница между литературой советской и
тем, что ею не является? Во всяком слу-
чае, западные советологи давно проявили
инициативу на этот счет. Еще в 1972 го-
ду Питсбургский университет в США вы-
пустил сборник «Русская литература в
изгнании», авторы которого усердно пы-
тались доказать одну и ту же мысль:
«...Не было двух литератур, была одна
русская литература двадцатого столетия».

С какой целью выброшен этот лозунг?
Эмиграция не смогла создать литературу
в собственном смысле (потому что ли-
тература — это не просто свод книг). Все
тот же В. Ходасевич в статье «Литерату-
ра в изгнании» (навязчивый заголовок!)
с горечью писал: «...Гора книг, изданных
за границей, не образует того единства,
которое можно было бы назвать эми-
грантской литературой. По-видимому,
эмигрантская литература, какова бы она
ни была, со всеми ее достоинствами и не-
достатками, со всей силой творит от-
дельные вещи и бессилием образовать
нечто целостное, в конечном счете ока-
залась все же не по плечу эмигрантской
массе. Судьба русских писателей — гиб-
нуть, Гибель подстерегает их и на чужби-
не, где мечтали они укрыться от гибели».

Не все оказались способны на такую
откровенность. Другие захотели доказать
обратное, но при наличии соответствую-
щей амбиции оказалось явно недостаточ-
но амуници. Тогда начали сначала при-
плюсовывать себе произведения «возвра-
щенцев», написанные в зарубежную пору.
А потом и вообще решили размыть идео-
логическую границу на той лишь основе,
что и советскую, и эмигрантскую ли-
тературу объединяет общность языка.

Не от хорошей жизни рождаются все
эти комбинации. Ну, а советской-то ли-
тературе никакой нужды нет объединяться
с кем-либо, забывая свое революционное
первородство. А вот знать и изучать
судьбы литературы, созданной русскими
писателями, чтоб нарисовать полную
картину того, как сложилась ее судьба в
XX столетии, выделить все действительно
ценное в ней, все, что может способство-
вать профессиональному совершенство-
ванию литературы нынешней, — прямой
долг советской филологической науки.

Ну, а что касается моих личных позиций,
то, помимо вероятных обвинений в ретро-
градстве, рискну уж заодно получить об-
винение в нескромности. Более десяти лет
назад в журнале «Вопросы литературы»
(№ 2, 1974) я выдвигал идею создания
единого комплексного труда об историче-
ских судьбах русской литературы XX века,
труда, в рамках которого были бы рас-
смотрены три основных самостоятельных
образования: рожденная Октябрем совет-
ская литература в ее новом историческом
качестве, предшествовавшая ей и преем-
ственно с ней связанная множеством ни-
тей литература конца XIX — начала XX ве-
ка и литература, создававшаяся писателя-
ми, в силу разных обстоятельств оказав-
шимися или вне родины, или, по крайней
мере, вне поля нашего внимания.

Отношение к наследию требует взвешен-
ного, социального, классового подхода.

ГОРЬКИЙ